

Глава 8. Троица против обезьян

Сумерки сгустились над Юйцышань. В глубокой синеве неба, усыпанного звёздной пылью, величественно застыл бледный диск луны.

Да Ша, Эр Пан и Сань Ва затаились за стволом исполинского дерева. В ночной тишине очертания леса казались зыбкими и неверными, и лишь вдаль, в низине, плясали отсветы большого костра.

Присмотревшись, можно было разглядеть странных существ, похожих на длинноруких макак. Эти твари — горные сяо — устроили вокруг огня дикие пляски. Они разбились на пары, нелепо виляли задами и то и дело строили друг другу скабрзные глазки.

Листва над головами дозорных сухо зашелестела. Эр Пан, рыжий кот, смерил танцующих презрительным взглядом и недовольно дёрнул ухом.

— Ну и рожи. Танцуют — курам на смех.

Сидящий на голове у хаски Сань Ва — крошечный золотистый хомяк — согласно пискнул:

— И не говори. Тьфу, смотреть противно.

Да Ша, чей благородно-глуповатый вид в этот миг портила излишняя серьёзность, проворчал:

— Кончайте лясы точить. Что делать-то будем?

Эти наглые обезьяны не просто обнесли лавку хозяина, они перебили гору посуды. Троица преследовала воришек по пятам, пока след не привёл их к этому месту.

Подул холодный ветер. Опавший лист медленно опустился на землю, и на душе у «верных защитников» стало так же тоскливо и пусто.

В животе у Да Ша предательски заурчало.

— Жрать охота... — уныло протянул пёс. — Может, вернёмся? Хозяин уже, небось, дома.

Эр Пан мгновенно применил свой коронный приём «вихрь кошачьих кулачков», отправив хаски в глубокий нокдаун.

— Домой он захотел! — прошипел кот, вылизывая лапу. — Забыл, во что превратилась лавка? Хочешь познать гнев хозяина? Нам нужно искупить вину, и точка.

Сань Ва, расправив свои крошечные перепончатые крылышки, задумчиво уставился на костёр. Хоть он и недолюбливал «второго брата», в логике ему отказать было нельзя.

— Сначала вернём наш холодильник, — рассудительно произнёс он. — Без него о нормальном пайке можно забыть. А во-вторых, раз эти мартышки решили, что могут бить наши вещи, мы в отместку заберём их барахло.

Прежде чем затаиться, они успели разведать обстановку. Юйцышань была богата залежами нефрита и красного железняка. Обезьяны уже успели накопать приличную гору добра, и почти всё оно хранилось в их лагере.

Хозяин любил деньги. Если притащить ему целую корзину драгоценностей, глядишь, и гнев сменится на милость.

Тёмные тени деревьев ложились на траву, а в вышине, сквозь прорехи в листве, мерцали далёкие звёзды. План был хорош, но воплотить его в жизнь мешала сушья мелочь: мартышек было слишком много.

Да Ша тоскливо посмотрел на луну. В последнее время при виде этого сияющего диска его так и подмывало задрать морду и завывать по-волчьи. С трудом подавив этот импульс, он выудил из кармана припрятанные сушёные лакомства и принялся сосредоточенно грызть их, пытаясь унять голод. В ночной тишине хруст стоял такой, будто ломали сухие ветки.

Эр Пан резко обернулся.

— Ты что там делаешь?! — прошипел он, глядя недобро.

Да Ша, не замечая опасности, прошамкал:

— Да вот... хозяйские вкусняшки жую.

— Мы тут на задании, а ты в такой ответственный момент втихаря пузо набиваешь?!

Он был возмущен до глубины души. Главным образом потому, что ему не предложили.

В следующую секунду кот одним точным ударом сбил хаски с лап и, перехватив еду, мгновенно запихал её себе в пасть.

— Сам же хотел... — обиженно буркнул Да Ша. — А говоришь — «долг», «честь»...

— Это наказание за несвоевременный приём пищи! — отрезал кот.

Сань Ва, наблюдавший за этой сценой с вершины валуна, лишь презрительно фыркнул. «Ну и придурки», — подумал он, доставая из защёчного мешка сочный весенний блинчик. В отличие от этих голодающих, у него запасов было столько, что хватило бы на небольшую армию. Он мог не беспокоиться о пустом желудке ещё очень долго.

Заметив это, сцепившиеся было кот и пёс замерли и в один голос взревели:

— А ты что жрёшь?!

— Третий брат, я в тебе разочарован! — завыл Да Ша. — Ты оказался самым коварным! Спрятал гору еды и смотришь, как мы тут с голоду пухнем и друг другу глотки рвём!

— Я давно подозревал, что он тот ещё фрукт! — поддакнул кот. — Сам жрёт больше всех, а перед хозяином строит из себя невинную кроху!

— А ну делись!

Через мгновение три пушистых комка превратились в один неистовый вихрь. Пыль летела столбом, комья земли разлетались во все стороны.

Ветер лениво шевелил листву. У костра, возвышаясь над соплеменниками, сидел вожак сяо. Это была огромная чёрная тварь с приплюснутым носом и широкими, вечно подёргивающимися ноздрями. Его непомерно длинные руки заканчивались когтями, способными рвать сталь.

К нему подскочила обезьяна поменьше и что-то зашептала на ухо.

— Началось. Они сцепились, — доложил соглядатай.

Вожак важно кивнул. Он высокомерно взглянул мутными глазами.

— Я же говорил — не стоит о них беспокоиться.

Он давно почуял хвост, но не придал значения трём мелким зверькам. Пусть они и были демонами с неплохой силой, их вечные склоки играли на руку обезьянам. Зачем тратить силы, если враги сами измотают друг друга до полусмерти? К тому же, найти тайник им ни за что не удастся.

В самом сердце рощи росло исполинское дерево, чья крона напоминала бескрайний изумрудный

океан. Там, среди ветвей, хранились все сокровища племени и тот самый странный ящик с едой, который они сегодня стянули.

Тем временем битва на склоне перешла в решающую стадию. Да Ша вцепился в одну лапу Сань Ва, Эр Пан — в другую. Они трясли несчастного хомяка, как грушу, пытались выбить из него содержимое защёчных мешков.

У Сань Ва искры летели из глаз, но он лишь стискивал зубы. «Русские хомяки не сдаются!» — билась в его голове героическая мысль.

— Бе-е-е... — не выдержал он в следующую секунду.

Хомяка вывернуло. Еда хлынула неиссякаемым потоком: сушёное мясо, блинчики, рисовые зёрна... Съестного было столько, что оно едва ли не превышало объёмы самого Сань Ва.

— Как в такую мелкую пасть столько влезло? — изумился кот. — Ты вообще хомяк или бездонная бочка?

— А у тебя хвост в три метра — это нормально? — огрызнулся вконец замороженный Сань Ва. — Видал когда-нибудь кошек с таким тросом сзади?

— Кончайте базарить! — рявкнул хаски. — Хавчик улетает!

Склон был крутым, и гора еды, подхваченная силой тяжести, весело покатилась вниз. Да Ша и Эр Пан, забыв о хомяке, кубарем бросились вдогонку.

— Куда ты прёшь? Оно же в грязи всё, — на бегу пытался вразумить пса кот, надеясь, что тот отстанет.

— Тебе безразлично — ты и не ешь, а мне в самый раз! — огрызнулся тот.

Поняв, что уловка не сработала, кот прибавил ходу, но тут мимо них, бешено вращая крылышками, пронёсся Сань Ва.

— Стоять, крыса летучая!

— Не наступай мне на голову, коврик плешивый!

Съестное, подпрыгивая на кочках, докатилось до корней того самого исполинского дерева, чья листва в лунном свете отливала тёмным малахитом. Троица, продолжая по пути обмениваться тумачами, вылетела на поляну и замерла, задрав головы.

— Ого, ну и дура...

— Может, залезем?

— Мы делом пришли заниматься или на экскурсию?!

Часовые на ветках услышали подозрительный шёпот. Взглянув вниз, одна из обезьян увидела трёх демонических зверей, которые в темноте смотрели хищно и недобро.

— Враги! — взревел часовой. — Общая тревога!

Ветви мгновенно ожили. Чёрные тени посыпались вниз. Обезьяны были вооружены до зубов: кто с кувалдой, кто с шипастой палицей. Выглядели они на удивление дисциплинированно.

Да Ша уже собирался дать дёру, но тут на его голову обрушилась пудовая железная гиря.

Бам!

Пёс лишь моргнул, ошарашенно глядя перед собой. Крепкий череп хаски выдержал удар, и пёс даже не поморщился.

Обезьяна наверху так и застыла с разинутым ртом. Она ожидала увидеть всмятку раздавленную голову, а встретила с яростным, полным праведного гнева взглядом.

— Они живучие! Добить их! — заверещал вожак патруля.

Троица окончательно потеряла терпение.

— Это они нас сейчас провоцируют? — прорычал Да Ша.

Эр Пан пришёл в неопишемую ярость. Он мог сколько угодно третировать своих, но когда кто-то со стороны поднимал лапу на его команду...

— В атаку! — взвизгнул кот. — Разнесём этих наглых макак!

Рыжий молнией метнулся вперёд. Его хвост мгновенно удлинился на несколько метров,

оббивая и скидывая обезьян с веток, словно спелые яблоки. Да Ша, не отставая, ворвался в гущу врагов; он сверкал клыками в темноте и смыкал мощные челюсти на всём, что подворачивалось под руку. Сань Ва, крошечный и неуловимый, закружился над головами сяо, безжалостно вгрызаясь в затылок их предводителя.

Начался сущий хаос. Сань Ва, пользуясь своей ловкостью, первым пробрался в древесную хижину.

— Сюда! Всё наше добро здесь!

— Гляди, тут ещё золото и камни!

— Грузи в мешки! Всё подметайте!

В суматохе костёр опрокинули. Сухие ветви вспыхнули с треском, и вскоре ревущее пламя начало пожирать исполинское дерево. В ночном небе расцвели багровые сполохи, а над горой поплыл густой едкий дым, в котором тонули истошные крики обезьян.

Цзян Чаншэн, прибыв к подножию Юйцышань, застал эпичную картину.

По всему склону полыхали пожары. Сквозь дым и пламя, спотыкаясь и толкаясь, бежали его питомцы. Они тащили на себе холодильник и несколько набитых доверху мешков.

Следом за ними неслась толпа разъярённых обезьян, размахивая мечами и топорами. Беглецы на ходу отстреливались, причём весьма успешно: они швыряли назад тяжёлые куски железной руды. Каждый бросок сопровождался глухим ударом и очередным выбывшим из строя преследователем.

— Ха-ха! Догоняй, макака недоделанная!

— Будете знать, как на нас задираться!

Цзян Чаншэн лишился дара речи.

Завидев хозяина, троица мгновенно сменила тактику. Лица их вытянулись, а в глазах заблестели крокодильи слёзы. Кот первым добежал до Чаншэна и мёртвой хваткой вцепился в его ногу.

— Хозяин! — заголосил он, захлёбываясь рыданиями. — Это всё я виноват... Не усмотрел, как

эти ворюги обчистили нас. Мы пошли за ними, хотели всё вернуть миром, а они... они начали нас бить! И обзывать! Посмотрите, я весь в ранах!

Он демонстративно выставил вперёд лапу, исцарапанную во время недавней драки с Да Ша, и показал испачканную в золе шерсть. Вид у него был такой несчастный и невинный, что впору было канонизировать.

— Хозяин, ваших деток так обидели! Вы должны за нас заступиться!

Да Ша, театрально всхлипнув, поддакнул:

— Да, хозяин! Вы не представляете, что они творили! Они отобрали еду, а меня... меня вообще привязали и били!

Насмотревшись на «старших», хаски тоже начал осваивать искусство художественного свиста.

Сань Ва, мелко дрожа, указал на свою припухшую мордочку (результат того, что его трясли за ноги) и на опалённый клочок меха.

— Эти изверги... Они меня жгли! Били по лицу! Я уже не чаял живым выбраться... Только мысль о вас, хозяин, только любовь к вам давала мне силы держаться!

«Зелёный кот нарочно меня под огонь подставил», — мрачно подумал хомяк, косясь на Эр Пана.

Цзян Чаншэн выслушал эти причитания. Чутьё подсказывало ему, что здесь не всё так однозначно, но... Глядя на горящее дерево и разъярённых обезьян, он почувствовал, как закипает возмущение. В конце концов, бить питомцев — значит не уважать их хозяина!

Он обернулся к Мо Ци:

— Сделай с ними что-нибудь. Совсем распоясались, ироды.

Мо Ци смерил взглядом рыдающую троицу. Он посмотрел на них с чем-то средним между сочувствием и иронией.

— Будь по-твоему, — бросил он. — Но имей в виду: сяо — твари злопамятные.

В следующий миг он принял истинный облик. Огромный зверь взмыл в ночное небо, и над горами разнёсся такой оглушительный рёв, что у обезьян подкосились ноги. Сяо замерли, охваченные первобытным ужасом. Могучая тень пронеслась над лесом, подобно карающей

МОЛНИИ.

Время неумолимо шло вперёд. Тёмный бархат неба начал бледнеть, и первая полоска света прорезала тьму, медленно разливаясь по горизонту. Над далёкими вершинами величаво поднималось солнце, окрашивая мир в золото и багрянец.

Этим ранним утром Ли Хунгуан привёл своих братьев к лавке. Однако вместо гостеприимного приёма их встретили распахнутые двери и полный разгром. Внутри не было ни души.

Дунфан Хаожань почувствовал, как сердце уходит в пятки.

— Шисюн... — пролепетал он. — Куда же делся мастер? Неужели он решил бросить всё и отправиться в странствия?

<http://bllate.org/book/17549/1709241>